

Не чернуха, не бытовуха и не порнуха

Я пришла в Театр Дождей, когда там как раз праздновали двадцатилетие. Перед спектаклем актеры гостеприимно показали мне свой дом. Мы побывали в крохотной гримерной за сценой, где в немыслимой тесноте, но не в обиде, а в дружеском веселье и гононе передевались к спектаклю актеры.

Здесь царят творческая атмосфера и дисциплина, какой уже давно нет в академических театрах. По сцене никто не ходит без сменной

обуви, уважая труд уборщицы. К сцене и партнерам здесь бережное и уважительное отношение, и помощнику режиссера не приходится взывать по трансляции к актерам, отдыхающим в буфете, умоляя их прийти на репетицию. Здесь актеры самостоятельно, не дожидаясь окрика Натальи НИКИТИНОЙ (на фото слева), художественного руководителя «Дождей», репетируют перед спектаклем танцевальные номера.

ТАКОВО КРЕДО ТЕАТРА ДОЖДЕЙ, К КОТОРОМУ ВОТ УЖЕ ДВАДЦАТЬ ЛЕТ НЕ ЗАРАСТАЕТ «НАРОДНАЯ ТРОПА»

Исполнители ролей крыс
Софья Бетехина
и Вячеслав Викторов.

— Ну а где же вы репетируете?

— Здесь, в кафе: нас пускают в маленький зал и мы за столиками репетируем. Было бы место для репетиций, мы бы выпускали по три спектакля в сезон.

— А как складывается ваш репертуар: кто решает, какую пьесу брать?

— Решаю исключительно я. Режиссер предлагает мне пьесу, я ее читаю, слушаю его концепцию и решаю, брать или нет. У Театра Дождей есть свое кредо: не чернуха, не бытовуха и не порнуха. И эти три «не» должны соблюдаться.

— Как вы думаете, в театральном Петербурге какую нишу занимает Театр Дождей?

— В книге Елены Марковой «Офф Невский проспект» про заметные студийные явления конца 80-х — начала 90-х есть глава, посвященная нашему театру. Она называется «Экологическая ниша». А Лев Гительман однажды сказал мне: «Из того, что я видел, единственный театр, который существует в традициях русского психологического театра, — это Театр Дождей».

Михаил Чехов в своей книге пишет о том, что мир меняет активная часть человечества, а она делится на два лагеря. Одна часть стремится к темному, тяжелому, больному будущему, а другая пытается заставить людей думать и чувствовать, чтобы они сознательно шли к светлому будущему. Наш театр — за светлое будущее. У нас на спектакле «Поминальная молитва» взрослые мужчины плачут, переживая катарсис, и люди выходят счастливыми. Моя двоюродная сестра — верующий человек, и потому она не очень принимает театр, но она вышла после спектакля и сказала: «У меня так хорошо и чисто на душе, как после церкви».

ЧТОБЫ не мешать актерам, мы с Натальей Никитиной перешли через двор в кафе «Африка», которое в шутку называют театральным буфетом, и там состоялся наш разговор о том, что же за явление петербургский Театр Дождей.

— Наталья Васильевна, расскажите, как родился ваш театр?

— Самое начало было, когда мы — группа в 25 человек — вышли из Театра «Суббота» на улицу, вошли в ближайшую подворотню и стали думать о том, что нам дальше делать. У нас была команда, были два спектакля, поставленных мною в «Субботе», — «Чайка» и «Дом, который построил Свифт», а больше ничего не было. Потом появилась удивительная женщина Генриетта Михайловна Клейман-Орлеанская, по образованию врач, но по призванию драматург. У нее был театр, из которого ушли все актеры, а у нас были актеры без театра. Вот мы встретились и соединились. Будучи женщиной деятельной, она присмотрела красный уголок РЭУ-13 (по адресу: Фонтанка, 130), сходила в райсовет, получила разрешение там работать. Через полгода она уехала в Америку в гости и не вернулась, а мы так и остались по этому адресу. Так появился Театр Дождей.

— Студийность вашего театра изменилась за эти 20 лет?

— Еще со времен МХАТа и Вахтанговской студии студийный театр — это когда собирается некая группа людей, объединенная общей идеей. Но правы были классики — идея действительно живет 10 — 15 лет, а потом студийный театр разваливается, но мы-то существуем уже двадцать и, думаю, выживаем за счет того, что умудряемся дух студийности, дух семьи совместить с требованиями профессионального театра.

— Ваши актеры первоначально были непрофессионалами, а сейчас?

— Сейчас это в основном профессионалы, кто-то из наших актеров отправился за образованием и получил его параллельно с работой в театре. А начинали в нашем театре действительно люди без специального образования, но это были актеры из очень хороших народных театров — «Перекресток», «Четыре окошка», театр ДК им. Горького... На волне перестройки все народные театры развалились, и люди шли к нам. Те, кто был способен стать профессионалом, оставались, а кто не способен — уходили.

— Какова сейчас ваша труппа, сколько у вас актеров?

— Больше 60 человек, 15 актеров на став-

ках, а остальные на «спасибо». Когда нам звонят актеры и узнают про просмотры в театр, то мы сразу говорим, что ставок нет и не ожидается, но люди идут к нам, потому что хотят творчества.

— А как же живут те, кто не получает зарплату?

— Думаю, так же, как и те, кто на ставках. Вы представляете, какая зарплата у актера? В зависимости от образования и стажа нижняя — 6200, а максимальная — 13 000. Так что каждый как может, так и подрабатывает.

— Отражается ли на творческом процессе то, что люди заняты на основной работе?

— Нет, основная работа у них в театре, а там у них — «халтура», так я им всегда говорю.

— Но это так несовременно. В нашем мире все хотят зарабатывать деньги, а тут существует целая группа людей, которые занимаются творчеством бесплатно...

— Мне это напоминает «Самоубийцу» Эрдмана: «Сеня был — шляпки не было, шляпка стала — Сени нет, господи, почему ты всего сразу не даешь!» Получается именно так — все сразу не бывает. Но я думаю, что там, где внимание людей занимают день-

ги, уже не может быть искусства, может быть только ремесло, хотя бы и очень высокое.

— Сколько у вас сейчас спектаклей в репертуаре?

— Семнадцать.

— Это же полноценный репертуар, а где вы храните декорации?

— Как вы попадаете в больные точки! Есть такая игра — тетрис, вот мы из нашего театра пытаемся изобразить пространство тетриса: если нужно поставить один спектакль, то приходится доставать все нужное, а потом все составить обратно, и нужно, чтобы, как в тетрисе, и все сошлось, и мы могли бы освободить побольше пространства для актеров. Мы даже гордимся тем, что можем все это разместить, но увеличение спектаклей забирает жизненное пространство актеров, они в гримерки у нас теперь не помещаются.

Сцена из спектакля «От Красной Крысы до зеленой звезды» — танцевальная репетиция.